

Сергей Носов

Носов Сергей Николаевич родился в Ленинграде (Санкт-Петербурге) в 1960 году. Историк, филолог, литературный критик, эссеист и поэт. Доктор филологических наук и кандидат исторических наук. С 1982 по 2013 годы являлся ведущим сотрудником Пушкинского Дома (Института русской литературы) Российской академии наук. Автор большого числа работ по истории русской литературы, известных книг о русских выдающихся писателях и мыслителях. Стихи переводились на несколько европейских языков. Живёт в Санкт-Петербурге.

Литературные призраки

Как «утопить» опостылевшую действительность в омуте вымысла, как превратить её в воздушный фантом, который счастливо сдувается с «обеденного стола» жизни простым дуновением лёгкого ветра фантазий? Обо всём этом прекрасно знал не только приснопамятный «социалистический реализм» со всеми его извращениями – прекрасно знала об этом и русская классическая литература.

Рискнём заметить: наиболее известные и замечательные герои этой классической нашей литературы – обыкновенные призраки.

В действительности, в «яви» русской жизни их никогда не было, нет и не будет.

Ошибался, наивно ошибался романтик российского имперского консерватизма Константин Леонтьев, когда и пафосно, и забавно заявлял во всеуслышание, что нам, мол, верноподданным Императора, не такие графы нужны как граф Толстой, а такие графы как граф Вронский, которого, между прочим, придумал как раз «нежеланный» для России, в глазах Леонтьева, граф Толстой.

Леонтьеву совсем не приходило в голову, что без Толстого не было бы и Вронского, что без Толстого не существовал бы, наконец, и сам роман «Анна Каренина», и многое другое, что сумел гениально выдумать «ненужный» России граф Толстой.

И заметим, что подобное восприятие изящной словесности как некой квинтэссенции реальности для русского общества всегда было очень типично.

Славная наша писательница Тэффи, например, вспоминала, что была в юности влюблена в князя Болконского из толстовского «Войны и мира». А не менее славный поэт Яков Полонский вспоминал и нечто ещё более удивительное: что был он в юношеские годы влюблён в Царь-девицу из сказки Ершова «Конёк-горбунок». То есть воспринимать обыкновенную популярную детскую сказку как материальную реальность в России для пылкого молодого человека с умом и талантом – вовсе не проблема.

Это весьма примечательно на самом деле, что в нашей России традиционно подтверждался и подтверждается на все сто процентов следующий мудрый философский тезис: человек видит только то, что ему кажется, а кажется человеку только то, что он желает видеть.

Так, если тебе кажется, что ты счастлив – ты и счастлив, если тебе кажется, что у тебя горе – тебя горе непременно и охватывает. Причём, в чём это горе для тебя заключается, даже неважно: ты «по полной программе» переживаешь своё горе, если веришь, что оно к тебе явилось. И, конечно, горя может и вовсе не случиться, если ты его переживать не хочешь.

Например, умирает близкий тебе (по родству или так просто – «близкий близостью душевной») человек – жалко, конечно, но ничего не поделаешь, судьба, иногда даже на-

ходятся «плюсы» в случившемся – наследство, больше места в квартире, свобода... Но может умереть просто твой любимый кот, или пёс, или даже твои любимые рыбки в новом аквариуме – и ты страшно страдаешь и плачешь в подушку, если, конечно, вовремя настроишься на то, что, вот, пришло в твою жизнь нежданное большое горе.

Герои Чехова, в частности, горько страдали лишь от того, что вырубают их любимые деревья («вишневый сад»), поскольку почему-то связали в своём сознании с судьбой этих деревьев свою собственную судьбу...

Александр Герцен в «Былом и думах», если называть вещи своими именами, ненавязчиво похвалялся, что он, мол, нашёл реальный «аналог» лермонтовскому Печорину – некого Печерина, свободомыслящего юношу-студента, что-то пылко сочинявшего, сочинявшего, сочинявшего, а затем покинувшего Россию навсегда и ставшего где-то в Ирландии католическим монахом.

Герцен, по сути дела «из любви к искусству» (чтобы увидеть лично и потом красочно рассказать, как прав был юный гений, Лермонтов, как в России «душно» человеку с умом и талантом) даже писал письма этому Печерину, встречался с ним... Но тогда уже фанатик-католик, который публично жёг протестантские Библии, Печерин этот всё же мало походил на лермонтовского Печерина, одинокого разочарованного во «всем и вся» скитальца. Прототипа, увы, так и не вышло... Да и не могло выйти. Печорин Лермонтова – персонаж насквозь выдуманный. Таких, как он, в реальной русской жизни не существовало.

Да, были, конечно, праздные дворяне, которые пресыщались жизнью даже раньше, чем в неё по настоящему вступали, и всё норовили попробовать, всё испытать, чтобы затем на всё и наплевать, «проигрывая в карты» и своих крепостных, и

свою душу. Но их образы далеко не так красивы и загадочны как образ Печорина из «Героя нашего времени».

И вообще эти «герои нашего времени» – Онегины, Печорины, Рудины, даже Обломовы – персонажи, прежде всего, сказочные. Это какие-то романтические рыцари без войска, рыцари «лишённые наследства» из средневековых легенд... Наряжены они их создателями, конечно, в «русском стиле», но по сути своей – они аляповато украшают российскую действительность, а не ярко отражают её, как доказывала традиционная русская критика во главе с Белинским.

Не хотели, традиционно не хотели в России признавать, что художественной литературой всецело правит вымысел, правит своевольная и прихотливая, а нередко необузданная, диковатая писательская фантазия. Эта фантазия создаёт и создавала не реальных героев «русской жизни» (или, допустим, немецкой жизни, китайской жизни...), а только некие красивые, обольстительные или, наоборот, ужасные, отвратительные тени и призраки.

Однако наивному читателю всегда кажется, что эти тени и призраки материально существуют, реально по жизни бродят – он в них верит, а писателей, творцов этих призраков, этого вымысла – обожествляет. И все это – совершенно зря!

Никаким самоучителем по жизни, никакой открывательницей истин художественная литература не является.

Фактически литература находится в тягостном рабстве у произвола безудержной фантазии и жить без «вывертов» и «гримас» этой фантазии просто не может.

Чему, если быть до конца откровенными, научили нас Толстой и Достоевский? – Да, ничему не научили, живём, как и жили, скорее даже ещё суетливее, мелочнее и пошлее, чем в прежние эпохи!

А что эти наши национальные гении проповедовали? – В сущности, только общеизвестное: смирение, нестяжатель-

ство, веру в добро и красоту. Не будь их романы и иные творения сладостным художественным вымыслом, никто и не стал бы их особенно долго и всерьёз слушать – прописные истины, как известно, быстро надоедают.

Так называемая жизненная мудрость русской классической литературы и её, так называемая философская глубина в весьма значительной степени – обыкновенные мыльные пузыри, готовые лопнуть от любой серьёзной критики в любой момент.

Мы не шутим.

Наша классическая литература – преимущественно литература «больших идей». И мы убеждены, что при всех возможных исключениях и оговорках, во многом, очень во многом был прав Владимир Набоков, не воспринимавший всерьёз «идейность» большой литературы и «литературу больших идей», ядовито посмеивавшийся над Достоевским, Горьким, Томасом Манном.

Однако сам-то Набоков, в конце концов, со всей своей верой в безыдейное «чистое искусство» к чему пришёл? – К своей «Лолите», к апофеозу больного сознания, лелеющего и смакующего свои извращения как «самое дорогое» в реальной жизни, среди её, якобы, всепожирающей пошлости. Этим и прославился, как известно, на весь мир.

И этим, в сущности, Набоков славен в современном мире и до сих пор, поскольку «Лолита» его, как бы то ни было, есть действительно лучшее, наиболее художественно впечатляющее и убедительное из всего, что Набоков написал.

Но признаемся себе честно: такая слава, увы, не самой высокой пробы, что-то родственное «славе» маркиза де Сада...

Кстати, эта набоковская девочка, Лолита – тоже призрак, своего рода сладостное эротическое привидение, посещавшее набоковские писательские грёзы, а отнюдь не сколько-нибудь

реалистический персонаж. Можно сказать, она слишком соблазнительно прекрасна, чтобы существовать на самом деле.

Девочки, возраста набоковской Лолиты, конечно, были, есть и будут, но они – не феи, а ещё достаточно глупые дети, и для того, чтобы наделять их даже в своих фантазиях чертами «фей любви» надо, увы, перечеркнуть в себе весь здравый смысл, а попросту говоря, в достаточной степени «рехнуться».

Так что ещё неизвестно, кто, в конечном счёте, более был «не в себе», – утончённо-изощрённо-извращённо и бездонно похотливый Набоков или «жестокий талант» Достоевский, который своих героев с христианской любовью мучил и мучил, мучил и мучил, мучил и мучил...

Достоевский проповедовал духовно светлые «большие идеи», но его сознание было вместе с тем не чуждо извращённого мучительства.

Набоков эстетски отрицал любые «большие идеи» в литературе во имя «чистой красоты», но и его сознание было не чуждо извращённого сладострастия, чреватого похотливо наглая эксплуатацией «детской плоти» и тем самым всё тем же мучительством...

Кричащие литературные противоположности сошлись в парадоксальном «поцелуе», равно свидетельствуя об одном – в так называемой большой литературе очень часто торжествуют искусно воплощённые в художественное слово болезненные «вывихи» сознания и фантазий, принимаемые за откровения и художественные прозрения, тогда как оценивать их должна по большей части психиатрия.

Художественная литература – точка преломления безудержных фантазий, неуёмного лицедейства (актёрского подражания жизни во всех её видах и формах) и торжествующего алогизма, «выворачивающего наизнанку» весь здравый смысл, который в жизни содержится.

И это – художественная литература, «изящная словесность» в своих лучших, на века запоминающихся проявлениях и достижениях, таких, например, как творчество Гоголя, Кафки, Джойса, того же Набокова.

Что же говорить о литературе «второго эшелона» и «второго сорта»... Это нередко и даже чаще всего просто «мрак и бред», где каждый «творец» изгаляется в своих диковатых фантазиях как только может, что, надо сказать, и нравится массовому читателю, который и ищет в «читабельной» художественной литературе только способное поразить, ошеломить, озадачить (как «щелчок по лбу» среди бела дня), ищет, говоря по старинке, «эдакое», чтобы потом глубокомысленно, важно заявить: «она, значит, оно как закрутил-то, господин сочинитель, чудно».

Новую жизнь, настоящую, материальную, из крови и плоти художественная литература (и классическая, и, тем более, не классическая, с историческим предназначением – «в макулатуру нашего времени»), естественно, не создаёт (из слов реальность не создаётся!), а жизнь старую, уже существующую – не копирует, и если «краюшком» всё же отображает порой, то, в сущности, так же «точно» как издевательская галерея кривых зеркал в парке культуры и отдыха...

Так что же всё-таки литература тогда так неустанно творит? Ответ очевиден как ясный день: только тени и призраки, «бродячий» вымысел, способный закружить голову, замутировать воду, одурманить, ошеломить и околпачить.

В этом смысле и в этом «контексте» лучший и наиболее убедительный в своей роли литературный герой в нашей, ставшей классикой, литературе – булгаковский Воланд со своей славной свитой «кудесников», берущий на себя роль мага и демиурга, а, в сущности, весь состоящий из упоительной «дьявольщины», которую обиженный советской

властью и необычайно талантливый писатель, Михаил Булгаков, с наслаждением выпустил «на волю», в жизнь, чтобы сполна отомстила она и его жестокой к талантам эпохе, и его недругам, и его более удачливым и пронырливым коллегам по «писательскому цеху» за ту вакханалию привилегий и удовольствий, которую они себе посреди советской бедности и бытовой неустроенности благополучно «урвали»...

В одном из последних своих записанных интервью, уже незадолго до смерти, Борис Стругацкий заметил, некоторым образом комментируя явления нашей классической литературы, что в писателе должен быть необычайно развит актёрский талант. Это очень верно. Писатель постоянно искусно мимикрирует в своём творчестве, как бы гримасничает и гримасничает, создавая «рожицы» (образы) своих героев как создавал их, в частности, Гоголь...

И не случайно эти гоголевские «хари» – эти Ноздревы, Собакевичи, Городничие и прочая «нечисть», – так живучи, так легко, как привидения, «перескакивают» или «переползают» из эпохи в эпоху, что проницательный, зоркий на «нечисть» Бердяев более чем полвека спустя после появления этих гоголевских «харь» на «Свет Божий» назвал их с ненавистью и злостью мерзкими «духами русской революции» (революции 1917 года), о которой эти гоголевские «хари» на самом деле, сидя в своих поместьях и чиновничьих креслах в середине XIX века, и знать не могли, и ведать не ведали...

И прав, увы, прав был Бердяев! Призраки тем и отличаются от живых людей, что они – бессмертны. Стареть призраки просто неспособны, они только перевоплощаются и перевоплощаются... без усталости и без конца. И видят эти призрачные, бесовские «хари» наши выдающиеся Гоголи и Гофманы, Кафки и Набоковы... и отображают, отображают..., смакууют и раскрашивают. И рождаются тогда в литературе

не только глупые, пошлые и старые Коробочки, но и юные, нежные и сладостные Лолиты, и бредят ими наши славные писатели, лелея «бесовщинку» в самих себе.

Вы спросите: а как же наша «здоровая и честная» литература, где же наш «Буревестник» и наш человек, который «звучит гордо»? – Как где? – Известно где: в мусорной яме жизни и истории, большевикам, знаете ли, продались с потрохами... А где же князь Андрей Болконский? Где Пьер? – Опять же, известное дело: в эмиграции с 1917 года, англичанами давно стали, то ли лордами, то ли лейбористами... А кто же остался-то, где наши нынешние герои? – В который раз приходится повторять: известно где – в животном мире. Вы почитайте Пелевина – «Жизнь насекомых». Хороший писатель, правдивый и такой весь из себя отечественный, суверенный. Второй Платонов. Вместо «Котлована» у него «Чапаев и пустота» написана. Славная книга, весёлая.

На этом позвольте закончить нашу статью, поскольку место для таких статей, как наша, в нынешних журналах строго ограничено – квота, знаете ли, новые правила, минкульт и минюст распорядились, «18+», забота о несовершеннолетних, борьба с гомосексуализмом в массах, да и вообще – жизнь у нас и без литературных привидений и призраков полна чудес.

